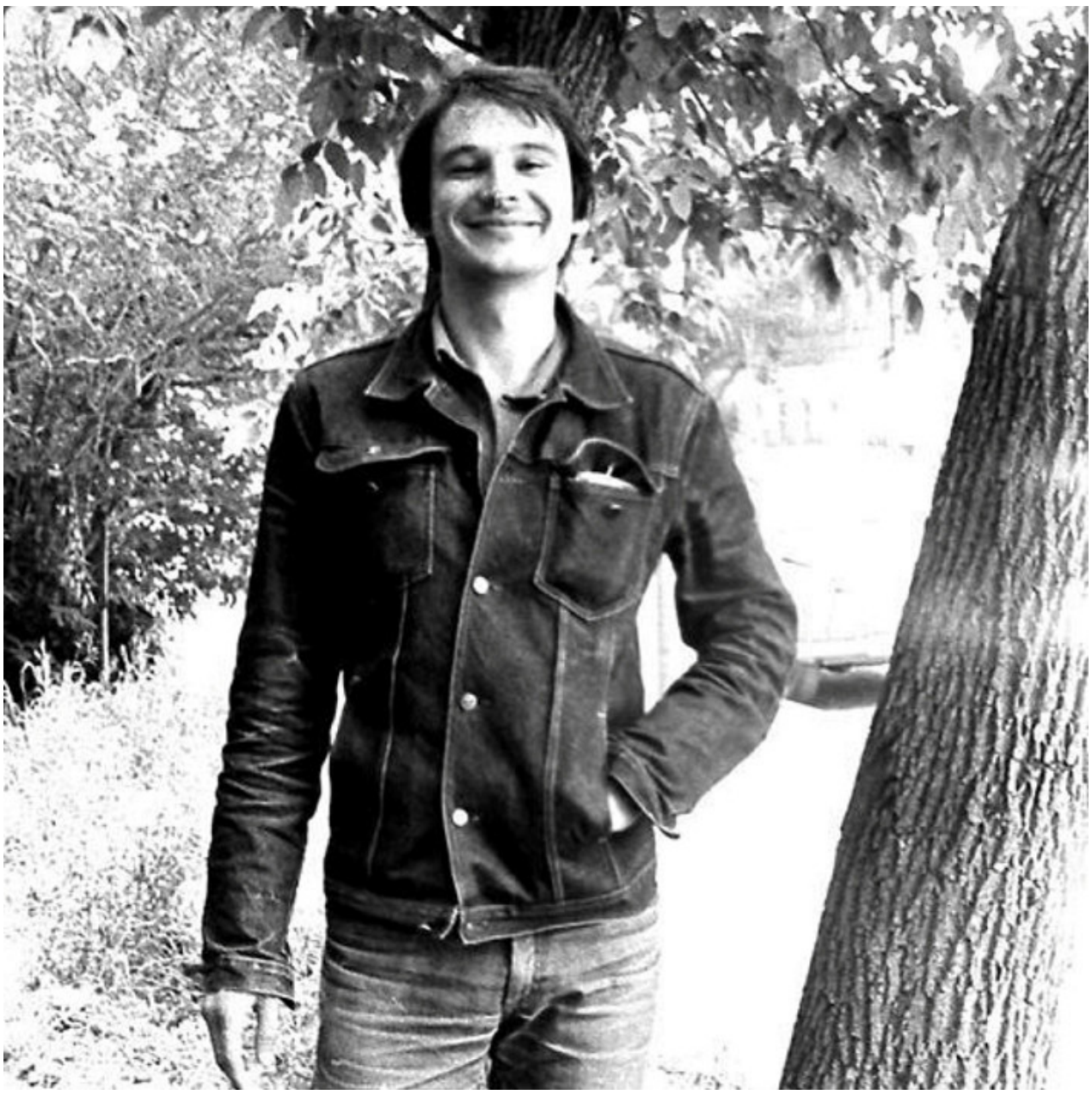
# ВРЕМЯ

№ 7 (126)
30 июль 2025 г.
Издается с 2015 года

Информационно-просветительская газета.

*Номер подготовлен при содействии Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Свердловского регионального отделения НК ИКОМОС, Россия, Информационно-просветительского центра Всемирной Федерации АЦК ЮНЕСКО*


# ОБ АЛЁШКЕ БАЛАБАНОВЕ



О том, что Алёшка Балабанов неожиданно умер, я узнал, кажется, на другой день, когда у дверей моего кабинета на киностудии выстроилась очередь из трёх съёмочных групп разных телекомпаний, которые как-то узнали, что Лёша долгое время работал у меня ассистентом режиссёра, и каждая телекомпания хотела первой получить эксклюзивное интервью. А что я мог рассказать с ходу? Почти ничего. Да, был он хорошим ассистентом, работал добросовестно, заинтересованно, но и всё! Никаких сенсационных происшествий у нас за четыре года не было, и рассказывать-то особенно не о чем. Я предложил всем группам снимать одновременно, потому что всё равно ведь придётся повторять одно и то же, но они отказались и терпеливо ждали каждый своей очереди, надеясь выудить у меня что-нибудь необычное, но увы, я не смог вспомнить ничего особенного. Потом приходили ещё другие корреспонденты, но все они мне показались какого-то «не того уровня» и не сумели получить то, что могли бы. А я тогда над этим голову не ломал, так как у меня была масса других забот по работе директором, продюсером и режиссёром независимой киностудии «Уралфильм».

Прошло время. Вышел я на пенсию, обдумываю прошлую бурную жизнь, пишу книги, уже пять издал. Вспоминаю и Алёшку Балабанова – молодого, стройного, умного, когда он помогал мне делать интересные документальные фильмы. В памяти кое-что всплывает, какие-то картинки иногда не ясные, но чаще любопытные, вот я и решил их записать, ведь кроме меня об этом периоде становления Лёши как кинематографиста никто уже ничего не расскажет. «Ложится мгла на старые ступени» – прекрасное название придумал автор одной из своих книг. Жаль, что не я.

На киностудии, когда запускался в производство новый фильм, каждый раз формировалась заново съёмочная группа. Кто-то любил и хотел с кем-то работать, кто-то, наоборот, не хотел, поэтому в производственном отделе иногда возникали споры. У меня разногласий обычно не было, так как я не выбирал сотрудников, а работал с теми, кого назначал производственный отдел. Например, оператор Юра Сорокин на моей первой картине был запойный алкаш, поэтому изгой, с ним никто не хотел связываться. А парень он был замечательный, профессионал, и мы с ним великолепно трудились на фильме «Изыскатели», правда, это оказалась для него последняя картина на Свердловской киностудии, потом он снова запил, не смог работать и, в конечном счёте, умер. Директором на той же первой картине был Анатолий Рогачёв – пьяница и лентяй вдобавок, но «удобный» человек. Главное, что мне в нём нравилось, это то, что мои указания он ставил выше, чем государственные ограничения по деньгам и по срокам. То есть, если я говорил, что завтра мы поедем снимать объект, которого нет в сценарии, он никогда не спорил, а просто исполнял, несмотря на то, что эта не предусмотренная работа влекла за собой и перерасход сроков съёмочного периода, и перерасход сметы, за что мы с директором потом будем платить штрафы по решению экономсовета студии. Не знаю почему, но так получалось, что мы с Рогачёвым в последующее время работали вместе на целом ряде картин, и у нас всякое бывало: ругал я беднягу и даже поколачивал иногда, а причиной почти всегда было его пьянство. Он не обижался, и мы продолжали снимать кино.

Так же и с ассистентами режиссёра – работал с тем, кого назначал производственный отдел. А попасть ко мне в группу многие хотели, потому что я никогда никого не обижал, и уж тем более не колотил (кроме Рогачёва, но это особый случай). Ассистенты были всякие: и с вгиковским образованием, и наши режиссёры учебного кино, которые в данное время находились в простое, а иногда появлялись романтики, которые хотели попробовать себя в кино, несмотря на свою другую профессию. Я никого не учил, просто давал им задания по их возможностям и даже не заботился, чтобы увлечь работой. Как получится. Тот, кто хочет – научится, а не хочет, значит это не его дело, гуляй!

С Октябрином Сергеевичем Балабановым, нашим главным редактором объединения научно-популярных фильмов (НПФ), я был в нормальных хороших отношениях. Да и как же иначе? Я стал одним из тех режиссёров, которые несут «золотые яйца», каждый второй мой фильм получал призы на кинофестивалях. И редакции никаких забот. Сценарий мне можно было дать какой угодно, я всё равно сделаю по-своему, денег за переработку сценария никогда не спрашивал, авторы получали сполна, мог снять фильм вообще без сценария и впоследствии не раз «спасал» редакцию и студию, выполняя план. Всё-таки Октябрин счёл нужным спросить у меня, не против ли я взять в группу ассистентом режиссёра его сына Алексея, который окончил институт переводчиков, отслужил в армии положенный срок и теперь хочет работать в кино. Я ответил: «Конечно не против. Мог бы и не спрашивать».

№ 4
30 апреля 2025 г.

ВРЕМЯ

Информационно-
просветительская
газета



**Так выглядел Алёшка Балабанов, когда после армии пришёл на киностудию работать ассистентом режиссёра**

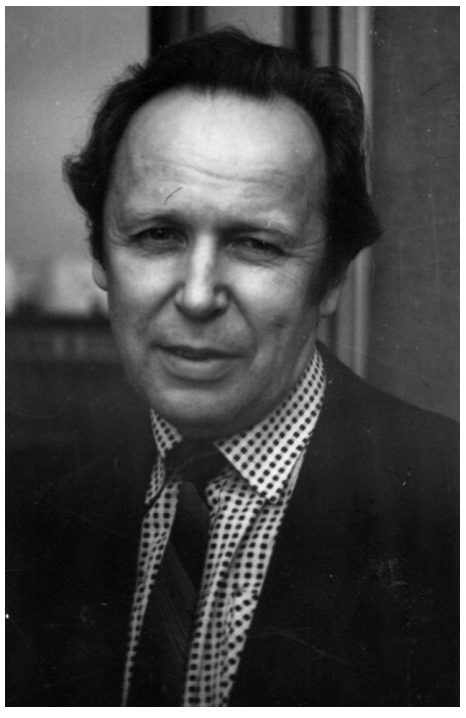
Пришёл парень худенький, стройный, приятный на вид. 1984 год. Я уже опытный режиссёр, Заслуженный деятель искусств РСФСР, снял 27 фильмов на Свердловской киностудии и был раз двадцать лауреатом на Всесоюзных и Международных кинофестивалях. Правда, тогда я не занимался подсчётом своих наград, и сделал это только сейчас, когда вышел на пенсию. Все и точно сосчитать не удаётся, так как некоторые документы о наградах утеряны, вспомнить сложно, а часть фестивальных призов, которые хранились в кабинете директора студии в специальных стеклянных шкафах, были просто разворованы, когда началась «перестройка» и директора уволили, заменив коллективно выбранным.

Опять отклонился куда-то в сторону в своих воспоминаниях. Так вот, Алёшка появился как раз, когда началась работа над новым научно-популярным фильмом о танке Т-34. Это моя тема. Я танкист по военной специальности – танковый техник, старший лейтенант. Правда никогда не служил, а военное образование получил на специальной кафедре в Уральском политехническом институте. Учили нас очень хорошо и строго. Мы никогда не пропускали военных занятий и танк знали до последнего винтика. Как же мне не предложить фильм о лучшем танке Второй мировой войны? Я и подал заявку. Поддержал меня активно редактор Олег Хомяков. Мало того, что фильм включили в план, так ещё и разрешили мне самому сочинить сценарий, что бывало не часто. Взялся я за работу с энтузиазмом и сразу же столкнулся с главной проблемой: что можно ещё поведать о танке Т-34, чего бы не было уже многократно, по-всякому изложено в прессе и снято в кино? Стал думать.

По образованию я инженер-механик, закончил УПИ, работал некоторое время на Уралмашзаводе инженером-конструктором, создал целый ряд новых машин, и столкнулся с удивительными производственными проблемами, когда начальству не нужны лучшие оригинальные механизмы, которые требуют много сил и времени на их разработку, начальству нужно выполнять план, давать больше продукции и получать премии. А как быть с прогрессом? Ну, если там несколько необычных винтиков или шестерёнок, то можно, тут и отчитаться хорошо за новаторство, а вот чтобы принципиально иную конструкцию – ни-ни, не позволим коллективу остаться без премиальных денег из-за сорванных сроков! Это была одна из причин, почему я ушёл с завода. Вот, теперь и подумал: наверное, так везде на производстве, и у немцев тоже. Копнул историю и удивился: что у нас на Уралмашзаводе, что у Круппа на капиталистическом предприятии – одинаково. Так почему же всё-таки мы сделали средний массовый танк лучше, чем у немцев, и главное раньше, чем в Германии? Дело решалось руками политического руководства наших стран. Ещё перед войной на совещании в Кремле Сталин поддержал разработку экспериментальной модели танка Т-34, а в это же примерно время Гитлер на аналогичном совещании запретил проектировать новые образцы, считая, что у них и так замечательные танки, раз они с триумфом «гуляют» по европейским странам. Он приказал машиностроителям не отвлекаться, а сосредоточиться на производстве их в большем количестве. И ошибся. Спохватились немцы уже во время войны, начали срочно конструировать свои «Пантеры» и «Тигры». Но было уже поздно. Об этом я и решил сделать фильм: о соревнованиях советских инженеров с германскими при создании лучшего танка.



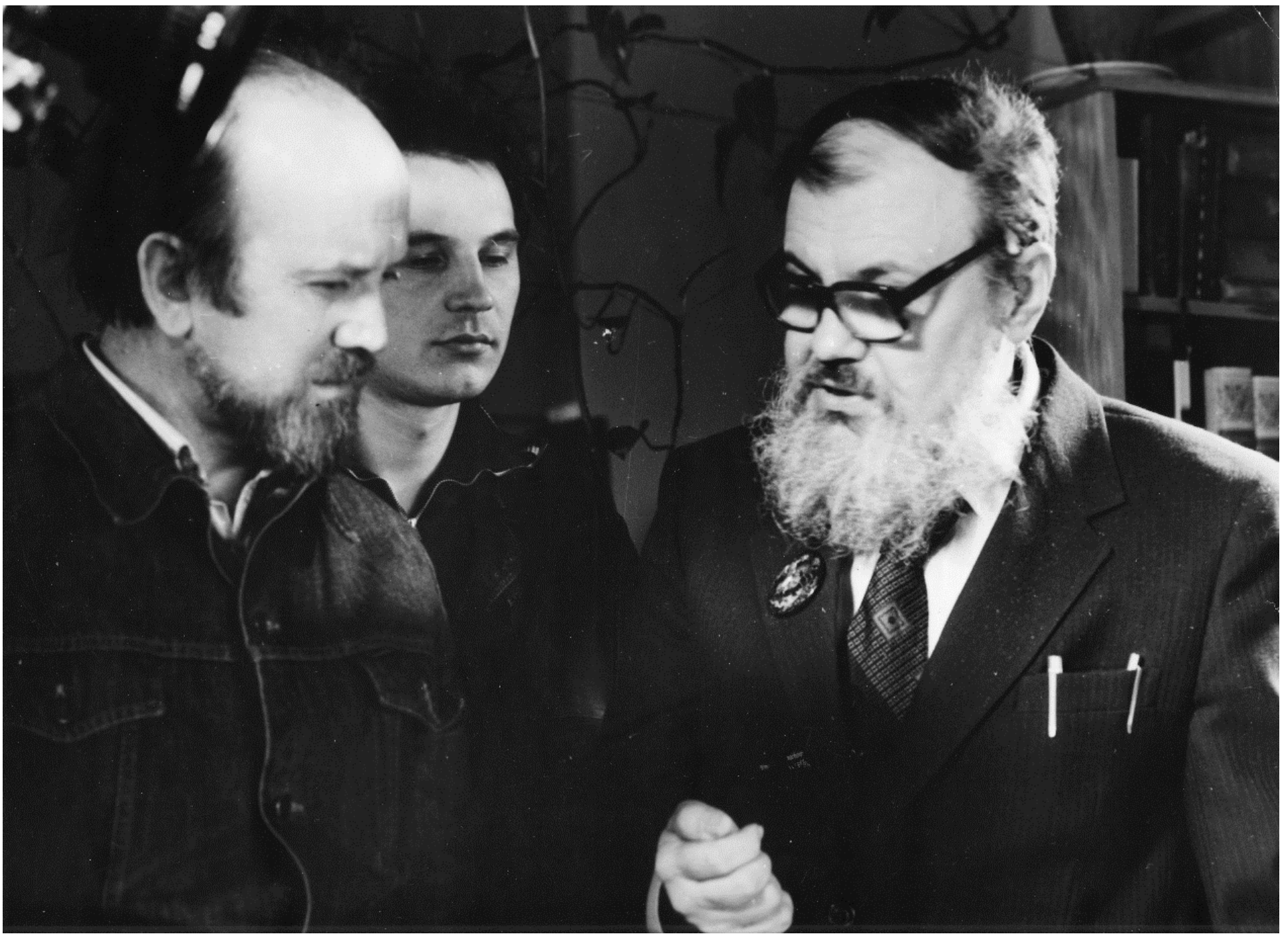
**Таким был средний танк Т-34 в начале войны**



**А так выглядел я в те годы нашей совместной работы с Алексеем Балабановым**

Когда Алёша пришёл ко мне ассистентом, подготовительный период работы над фильмом только начался, и мы с ним отправились в длительную командировку в Москву собирать материал как информационный в книжных архивах, так и хроникально-документальный на киноплёнке. Устроиться в гостиницу в Москве в те годы было большой проблемой, но директор картины Люся Шумелова путём взяток справилась с задачей отлично и поселила нас в недорогие одноместные номера в центре столицы. Зная, что Лёша хорошо владеет английским языком и ещё на каком-то немного разбирается, я поручил ему искать материал по теме в главном с моей точки зрения информационном источнике – в библиотеке иностранных языков. Расчёт оказался верным. Каждый вечер, когда мы с ним обсуждали итоги рабочего дня, он меня просто радовал новой неожиданной информацией, иногда уникальной. Например, он нашёл в западной прессе статью, из которой следовало, что конструктором немецкого танка «Тигр» был не Порше, как это сообщалось в наших источниках, в том числе военных, а некто Андерс, юбилею которого и была посвящена найденная им статья. Позже это подтвердилось информацией в немецкой кинохронике. Лёша сфотографировал и статью в журнале, и помещённый там портрет конструктора, чем очень облегчил мне дальнейшую работу над фильмом.

Пока Алексей рылся в хранилищах с иностранной литературой, я осваивал библиотеку имени Ленина. Там тоже нашлась кое-какая нужная информация. В это время у нас произошёл с ним неприятный инцидент, единственный за всё время совместной работы. В Ленинке я нашёл ссылку в каком-то информационном сообщении, что в музее Революции есть материал по производству новых танков в Германии во время войны. Вечером на нашем ежедневном совещании я попросил Лёшу завтра же сходить туда и найти эту ценную для фильма информацию. А через день вечером он сообщил мне, что ничего подобного в музее нет. Я не поверил, решил, что он плохо искал, ведь в Ленинке чёрным по белому написано об этом. На следующий день отправился туда сам и ассистента взял с собой для науки, так как был убеждён, что всё найду. В музее мы добросовестно перешерстили много каталогов, справочников и замучили научных сотрудников, но ничего не нашли. Лёша на меня обиделся и заявил, что он работает не по принуждению, а с большим интересом, добросовестно, всё ему нравится и проверять за ним не нужно. Если он говорит, что такого материала в музее нет, значит нет. Мне стало совестно, я признался, что погорячился, что уж очень хотелось найти нужную информацию, которой для фильма не хватало. Мы помирились, пошли в гостиничный буфет, купили жареную курицу и по бутылке пива и с удовольствием поужинали. С тех пор я его работу никогда не контролировал и полностью ему доверял. Когда дошла очередь до отбора трофейной фильмотеки в Госфильмофонде под Москвой в Белых Столбах, я спросил у Алексея: «Ты умеешь обращаться с киноплёнкой на монтажном столе?» Он сказал, что умеет. Я про себя удивился, где это и когда он научился? Но, имея недавний горький опыт, не стал выяснять и отправил его искать нужную фильмотеку. Каждое утро он на электричке уезжал в Белые Столбы, а вечером возвращался и представлял мне листы с записями просмотренных фильмов и киножурналов с пометками тех, которые нам нужны по его мнению. Когда он закончил эту работу, мы вместе отправились в Госфильмофонд, посмотрели намеченный материал, я почти всё одобрил, и мы заказали копии дубль негативов для фильма. Оба остались очень довольны.



**Режиссёр Н. Никипоренко и ассистент режиссёра А. Балабанов**

Так получилось, что весь фильм был построен на фильмотеке и фотографиях. Я мучительно размышлял, как завершить картину. Ведь танк – это оружие войны, оружие атаки. А хотелось бы представить наш танк, как оружие защиты, оружие, которое готово, но не хочет воевать. Мы все тогда «накушались» Второй Мировой войной по горло. И я придумал очень образную концовку: заставить современные танки танцевать вальс «Амурские волны». Оцените! Насколько точный и выразительный финал картины! И какой необычный! Но как это сделать? Как снять этот единственный натурный эпизод в фильме? Главным консультантом мне назначен командующий бронетанковыми войсками Советского Союза генерал-полковник Ю.М.Потапов, к нему я и обратился. Конечно, про вальс я не упомянул, а попросил разрешить снять танки на свердловском полигоне. Он охотно согласился, позвонил в штаб Свердловского военного округа и сообщил мне, что всё в порядке. Когда мы приехали домой, и я пришёл в штаб, там сказали, что есть приказ из Москвы и всё готово, можно ехать на полигон снимать.

Зима. Танкисты нас встретили приветливо – приказ из Москвы – это круто. Но когда я сказал, что хочу снять танцующие танки, все одурели. Однако приказ есть приказ! Я решил съёмки проводить вечером при свете фар. Дня два мы выстраивали мизансцену, при этом Алёшка проявил немалую расторопность, бегая от танка к танку и гоняя их с места на место. Наконец, всё готово. На третий день начали работу. Ночь. Около десятка танков стоят полукругом с включёнными фарами, а в центре два танка, в которых сидят лучшие водители-прапорщики. Приготовились танцевать. С командной вышки, всё хорошо видно. Мы включили магнитофон, и звуки вальса полились через микрофон радиосвязи к танкистам, а я скомандовал: «Начали!» И... ничего не вышло. Танца не получалось. Мы старались по-разному, но бесполезно. Отчаялись. Все измаялись. Прекратили попытки. Договорились, что подумаем и завтра ещё попробуем. А что мы можем придумать? Ничего. Грустные собрались на другой день. И тут ко мне подходят два смущённых прапорщика-водителя и, как-то очень стесняясь, говорят, что дело, наверное, в том, что они совершенно не умеют танцевать и не понимают ничего в музыке и что у них есть предложение: я с вышки буду отдавать им команды «налево», «направо», «кругом», а они будут их исполнять. Вальс пусть звучит фоном, он им не мешает. Решили попробовать. Я быстро приспособился и стал, как дирижёр чуть заранее в соответствии с тактами музыки, давать им чёткие команды, а они так классно и дружно их исполняли, что все на вышке – и наша группа и наблюдавшие офицеры – только диву давались. Один раз прорепетировали, а потом сняли два дубля с такими маленькими помарками, что их и не заметно. Все были счастливы. А я попросил дать мне разрешение прокатиться на танке в качестве механика-водителя, ведь я же старший лейтенант запаса, танкист, технарь. Мне позволили. Танк Т-62, а я-то учился на Т-34. Там рычаги двумя руками еле ворочал, здесь же всё так легко. И тут группа моя попросилась залезть на танк и прокатиться. Залезли, и Алёшка со всеми, четверо лихих парней. Все думали, что я их тихонечко повезу, а я как начал газовать, как начал врубать скорости! Танк помчался, ухабы ночью видно плохо, его начало бросать. Ребята наверху завопили все вместе, и механик, который сидел рядом со мной, забеспокоился, что они упадут. Пришлось сбросить скорость и вальяжно подъехать к командной вышке. Много лет прошло с тех пор, но все, кто тогда забрался на танк, с восторгом вспоминают о той прогулке.

И вот, когда я приехал сдавать картину в Москву, то главный консультант генерал-полковник Ю.М.Потапов был просто в восторге от финального танца танков. Он говорил, что это же невозможно, танки не могут такие вензеля выделывать! А у нас вот смогли. Фильм направили на международный кинофестиваль в Краков, и меня туда пригласили. А там разыгрались удивительные события, в результате которых руководство нашей делегации фильм с показа сняло и спрятало. Но это уже другая история.

Пока я ездил сдавать фильм, а потом то да сё, прошёл месяц, или больше. По нашим студийным правилам ассистента от картины открепляют, Алёшка оказался в простое и без зарплаты. Чтобы он получал денежку, видимо, по просьбе отца, его временно прикрепили к какой-то другой киногруппе для помощи. Наверное, так появилась фотография, где он снят с режиссёром Николаем Никипоренко.

Но вот я запускаюсь с новой картиной, и Алексей, к моему удовольствию, тут как тут, хотя я ничего для этого не делал, ни с кем не договаривался. А фильм предполагался большой, полнометражный, и срок для его производства планировался не менее года. Назывался он «Уроки катастроф». Идея у меня родилась, когда мы с Алексеем работали в Белых столбах, просматривая множество иностранной кинохроники, где попадались великолепно снятые эпизоды различных мировых катастроф: тонут корабли, падают самолёты, рушатся мосты и так далее. Я и подумал, почему бы не снять про это картину – ведь всё так интересно! Но как это сделать? Тогда существовал негласный запрет – катастрофы на экране не показывать, дабы не разжигать ненужных страхов. В голову пришла замечательная мысль: а мы создадим научно-популярный фильм не о катастрофах, а о том, как учёные, инженеры и всё человечество борется за то, чтобы катастроф не было вообще! Здорово, правда? И катастрофы покажем, и разберём их «по косточкам», и запрет обойдём. Наверное, начальство в Госкино рассуждало так же, потому что мою заявку сразу приняли и даже поручили мне самому написать сценарий, что случалось, как я уже говорил, не часто. У меня времени не было, и я передал дело своей жене – журналистке Тамаре Ивановне Ефимовой. Она иногда помогала мне в сценарных делах, кое-чему научилась, и мы вместе начали работу. Так получилось, что я закончил фильм о танках и новый сценарий был готов к этому времени для производства.

№ 4
30 апреля 2025 г.

ВРЕМЯ

Информационно-
просветительская
газета



**Жарим шашлыки. Слева направо: оператор Лёня Потравнов, ассистент режиссёра Лёша Балабанов, режиссёр Лев Ефимов**

Итак, «Уроки катастроф»! Мы с Алёшкой снова выезжаем в Москву рыться в архивах. У нас уже есть опыт, библиотеки знаем, материала находим много и легко, киноматериала советского в Красногорском архиве и зарубежного в Белых Столбах тоже предостаточно. Алексей «накопал» удивительные эпизоды, например, в немецком трофейном киножурнале «Дойче вохеншау», что означает «Немецкое еженедельное обозрение», он нашёл хронику времён войны о том, как фашистский конструктор Вернер фон Браун создавал ракеты для обстрела Лондона, как он испытывал первые образцы и как они взрывались или на старте, или едва оторвавшись от земли, или поднявшись на некоторую высоту, или вообще уходили в никуда. А потом полетели аж до самого Лондона. Материал был большой, интересный и очень качественный, мы его заказали и получили, но в фильм я его не взял, так как он, по моему мнению, не укладывался в концепцию замысла: ведь мы делали кино о мире, о том, как люди стараются улучшить жизнь, а не разрушать её взрывами боевых ракет. Алексей был не согласен со мной и считал, что можно сюжет изложить так, что он будет уместен в фильме. Наверное, он очень переживал тогда, потому что, когда мы с ним встретились лет через пятнадцать и вспомнили прошлое, он почему-то «заклинился» именно на этом факте и снова высказал мнение, что надо было использовать эпизод о ракетах «Фау два» в фильме про катастрофы. Я не спорил, зная уже его пристрастие к жесткости в кинодраматургии.

Подготовительный период закончился, вернулись на студию, сформировали группу и выехали на съёмки опять в ту же Москву. Работа шла легко, потому что всё было хорошо подготовлено, и я поручал Лёше многие ответственные дела и даже небольшие съёмки, он меня очень выручал. По воскресеньям делать было нечего, и мы иногда ездили всей группой (5 человек) на какие-нибудь экскурсии, которые нам организовывала директор фильма Люся Шумелова. К сожалению, никто из нас не занимался любительской фотографией, и снимков почти нет. Я говорю «почти», потому что всё-таки кое-что есть. Хочу рассказать об одной такой поездке.

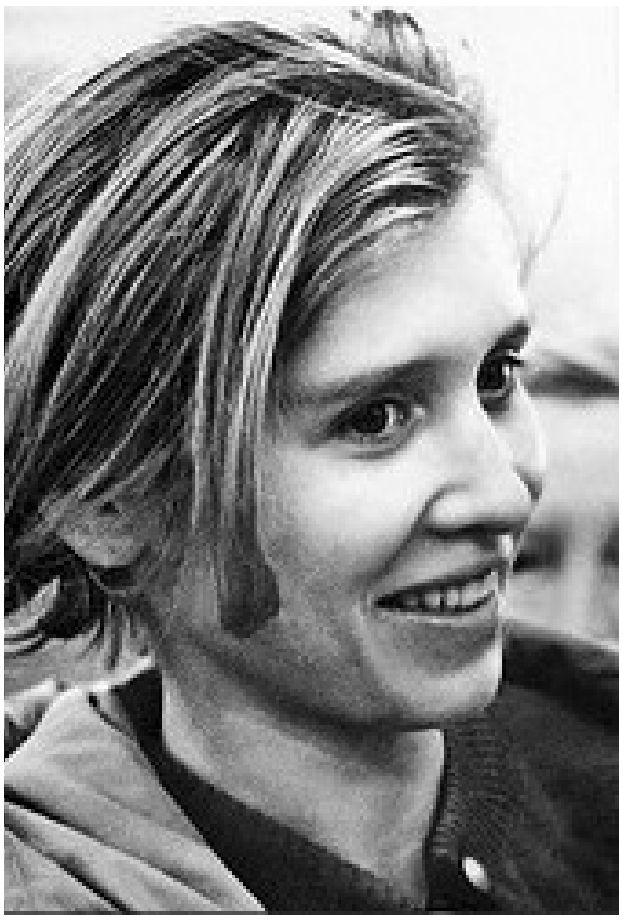
1985 год. Лето. Жара. Договорились отправиться купаться куда-нибудь на водоём. И Люся подсуетилась. Во-первых, она купила мяса, приготовленного для шашлыков, во-вторых, она купила пива, в-третьих, она заказала машину, да ещё какую! Обычных машин на автобазе Мосфильма свободных не оказалось, пришлось арендовать дорогущую спецмашину. Деньги у нас на счете кинокартины были, мы работали экономно, и к нашей гостинице подъехала великолепная чёрная правительственная машина ЗИС. Мы покатили в ней плавно, как в лодке, а милиционеры-регулировщики отдавали нам честь. Конечно, не нам, а машине, они ведь не знали, кто там внутри, а так, козыряли на всякий случай. Молчаливый шофёр привёз нас на берег какого-то водоёма, может быть реки – не знаю. Там столик под крышей, скамейки, а рядом кострище и запас дров. Приспособы для шашлыков оказались в багажнике. Оглядевшись, я увидел неподалёку ещё такие же оборудованные места, но нигде никого не было. Шофёр обещал приехать за нами через пять часов. За это время мы накупаемся, позагораем, изжарим шашлыки, съедим их, запьём пивом, и он как раз появится, всё проверено. Именно так и вышло. О нашем пикнике у меня в архиве сохранились две фотографии. Сделал их, видимо, ассистент оператора, так как его самого нет в кадре. Кто он – я не помню, а спросить не у кого. Оператор Леонид Потравнов умер от пьянства прямо на киностудии, ассистент режиссёра Алексей Балабанов умер тоже от пьянства, хотя стал уже режиссёром, и тоже во время работы, директор картины Люся Шумелова умерла от какой-то опухоли... Вот так. А какие тогда все были молодые, красивые, энергичные.



**Едим шашлыки с пивом. Слева направо: ассистент режиссёра Лёша Балабанов, режиссёр Лев Ефимов, оператор Лёня Потравнов и директор фильма Люся Шумелова**

Групповые выезды по воскресеньям у нас случались редко, всего раза три за всё время пребывания в Москве. Обычно выходные проводили кто как хочет. Лично я любил ходить в Третьяковскую галерею и просиживал у некоторых картин очень подолгу. Это можно понять, в юности мне нравилось рисовать масляными красками, получалось хорошо, особенно пейзажи. Хотел стать художником, но вовремя понял, что гения из меня не выйдет, а рисовать плакаты в цехах завода мне не хотелось, и от мысли стать художником отказался, рисовать постепенно перестал. Но что-то в душе осталось. Некоторые картины в галерее сильно волновали, я смотрел на них, и непонятное чувство появлялось в душе, казалось, что я понимаю какие-то тайные мысли художника. «А другие зрители не могут этого понять», – думал я и смотрел... смотрел... Никто из моей съёмочной группы не имел таких интересов, и все куда-то разбегались. Не знал я, что у Алёшки как раз в это время был роман с Ириной, а он это скрывал.

ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета
№ 4
30 апреля 2025 г.

**Ирина Балабанова,
первая жена Алексея Балабанова**

Вот фрагмент из воспоминаний первой жены Алексея Ирины Балабановой. Она и её сестра Саша жили тогда в Горьком. Саша познакомилась с Лёшей в Англии, где он был на практике, а она училась там в спецшколе. Потом она поступила в тот же институт, где учился Балабанов.

*«Летом 1985 года Саша предложила:*

*– Сгоняем в Москву, там как раз сейчас Балабанов!*

*– Когда едем?*

*– Завтра!*

*Алеша после окончания института успел отслужить два года в армии и устроился ассистентом режиссера на Свердловскую киностудию. В то время он набирал в столичных архивах материал для документальной ленты «Уроки катастроф».*

*Денег у нас с сестрой было немного, потому решили сэкономить на билетах – добирались «зайцами», бегая от кондукторов по вагонам. С вокзала Александра позвонила однокурснику Балабанова Кириллу Мазуру, который жил с женой в Москве. Балабанов, бывая в столице, часто их навещал.*

*Нас пригласили в гости.*

*Никто никого официально друг другу не представлял:*

*– Привет!*

*– Привет! Проходите.*

*И я почему-то решила, что молодой человек со смешливым взглядом и есть хозяин дома. Смотрю на него и думаю: «Какой Кирилл замечательный! Жаль, что женат...» И вдруг этот «обремененный семейными узами» товарищ, показывая на меня глазами, говорит Сашке: «Хороша чертовка!» Тут-то и выяснилось, что объект моей симпатии вовсе не женатый Мазур, а холостой Балабанов!*

*Жена Кирилла Стелла, которая замечательно готовила, пригласила нас к столу.*

*Мы выпивали, слушали продвинутую музыку, вели «умный» разговор о книгах, кино. Потом как-то незаметно перешли к теме семьи и брака. И Алексей, глядя мне в лицо, неожиданно сказал:*

*– А выходи за меня замуж!*

*Сказал, конечно, несерьезно, но смотрел испытующе. Я понимала, что это шутка, однако ответила в тон:*

*– Почему бы и нет?!*

*Любовь с первого взгляда – такое бывает...*

*И мы сыграли шутовскую свадьбу. С клятвой на Библии. Стелла представляла церковную власть, Сашка – светскую... Вот дураки-то! Так, с шутки, и начались наши с Алешей отношения.*

*Тем же вечером, когда Стелла и я оказались вдвоем на кухне, она спросила:*

*– А ты бы вышла замуж за Балабанова?*

*– Да, – ответила не раздумывая.*

*Следующие два дня мы ходили по Алешиным делам, ездили в Красногорск, в Государственный архив кинофотодокументов. А потом пришла пора расставаться. Балабанову следовало вернуться в Свердловск, нам с Сашей – в Горький. Я была страшно влюблена, но держала себя в руках. Навязываться, спрашивать, когда теперь увидимся, не в моих правилах. Однако свой адрес – телефона у меня не было – оставила.*

*Только в октябре почтальон принес телеграмму: Алексей вызывал меня на переговоры. Примчалась на телеграф.*

*С замиранием сердца услышала его голос:*

*– Ира, я в Москве. Ты ко мне приедешь?*

*– Конечно!*

*Прошло без малого тридцать лет, а я до сих пор помню запах осенней улицы, на которую вышла с телеграфа. И ощущение огромного счастья! От того, что скоро увижу его...»*

Тогда ничего этого я не знал. Спрашиваю, где был в воскресенье? У знакомых. И всё. Он никогда ничего не рассказывал про свою личную жизнь, а я никогда не спрашивал, если захочет, то сам скажет, а нет, так и не надо. Мы же с ним не сверстники, я почти на тридцать лет старше, у нас были очень доверительные отношения, взаимное уважение, но это всё-таки не дружба. Я никогда его не поучал, не читал моралей или назиданий, а относился как к равному. Видимо, ему это нравилось, и у нас по вечерам были длинные задушевные беседы. Мы говорили не только о кино, а больше «за жизнь». Особенно много он рассказывал о своей службе в армии. Ведь он её только что закончил и находился под сильным впечатлением. Служба была секретной, возможно, он давал какие-то подписки о неразглашении, потому и не мог рассказывать многие подробности другим людям, мне же полностью доверял и рассказывал такое, что я только диву давался. Рассказывать он умел и делал это обстоятельно со множеством подробностей и психологических размышлений. Я слушал с большим интересом, но это был отдых от наших дел, потому и не вспоминал лет сорок. Теперь сожалею. Нигде не встречал подробного описания событий на его военной службе, которые произвели на Алексея такое сильное впечатление, ведь не взлёты и посадки его волновали, а люди, их неординарные поступки, события. Может быть, это кем-то записано, но я не читал. Попадались только коротенькие схемки: летал в такие-то страны, возили оружие каким-то группировкам, обратно иногда – цинковые гробы и выполняли другие поручения. Всё. Сейчас, когда меня просят что-нибудь вспомнить, я категорически отказываюсь, потому что ничего не помню, путаюсь и не удивительно, всё происходило слишком давно. Всё-таки пару эпизодов без подробностей, которые легко переврать, попробую кратко рассказать.

Первый о пьянстве. Везли оружие. Приземлились где-то в Африке на маленьком аэродроме для дозаправки. Заправились. Вечер. Решили вылетать утром. Сотрудники СССР, работающие там, были очень рады редким гостям и устроили товарищеский ужин. Выпили крепко, так что все дружно заснули. Алёшка не пил совсем. Вдруг ночью тревога: напал какой-то вражеский отряд и приближается к аэродрому, надо немедленно улетать. А как? Экипаж спит непробудным пьяным сном. Всех загрузили в самолёт. С большим трудом разбудили второго пилота. Тот сумел взлететь, вывел самолёт на нужный курс, включил автопилот и снова заснул прямо в кресле. Вот ситуация: самолёт летит, экипаж пьяный спит, один переводчик совершенно трезвый сидит и не знает, что делать. Наконец, кто-то проснулся. В тот раз обошлось. Может быть, я чего-нибудь переврал, не знаю.

Вот второй эпизод очень коротко. Опять везут оружие. Где-то на востоке в какой-то зоне (Лёша всё это называл) иностранный диспетчер дал им курс полёта в безопасной зоне. Алексей перевёл сообщение диспетчера, но командир сказал, что слышал разговор, он знает английский и считает, что Лёша перевёл неправильно, курс был предложен другой. Командир повёл самолёт по этому другому курсу. В результате залетели во вражескую зону. Истребители вынудили приземлиться, по-моему, в Кандагаре (если я не путаю с кинофильмом, там была похожая история). Приземлились и стали ждать худшего: сейчас обыщут самолёт, конфискуют оружие, а их арестуют. Проходит час, другой, третий. Вдруг им разрешают вылет без всякого досмотра. Кто-то где-то договорился. Вылетели, довезли оружие до места, вернулись домой. И тут началось самое интересное. Командира попросили написать рапорт о происшествии. Он написал. Во всём обвинил переводчика, в надежде, что он молодой, ну ошибся в переводе, бывает, простят. Тогда попросили написать рапорт Балабанова. Он написал всё как было. Затеяли следствие, прослушали бортовые самописцы и Лёшу во всём оправдали. Какое наказание понёс командир – не знаю. Возможно, моя память и здесь что-то напутала, простите. Ничего больше не помню, а выслушал много! Целая книга с очень красочными подробностями.

Темы для разговоров были разные, беседы длинные, но не это нас сближало. Главным стала наша слаженная работа над фильмами в течении почти четырёх лет. Мы легко понимали друг друга, так как «видение» и материала, и эпизодов у нас почти всегда совпадало.

Так уж сложилось, что основной материал для всех фильмов, которые нам с Алексеем довелось снимать вместе, находился в Москве, и волей-неволей мы работали в столице по несколько месяцев каждый год. Естественно, свободных выходных дней имелось в избытке, и хотелось их заполнить чем-нибудь интересным. Мне легче всего было решить эту проблему. Дело в том, что я – член Союза кинематографистов СССР, а в Москве великолепный Дом Кино, принадлежащий нашему Союзу. Очень популярное и даже знаковое заведение. Вход туда только по членским билетам. А внутри большой кинозал, два малых просмотровых зала, комнаты для собеседований, вестибюли с диванчиками у стен, где можно присесть и поговорить, несколько кофеен с великолепным кофе, кафе, в подвале бильярдная, где идут жаркие бои на деньги, на четвёртом этаже прекрасный ресторан с очень качественной кухней, где почти всегда можно найти свободные места, так как посторонних не пускают. В общем, по вечерам сюда устремляется столичный бомонд, кого только здесь ни встретишь! Однажды я пришёл посмотреть какой-то фильм и чуть раньше занял место в центре ещё свободного зала. Сижу. И вдруг идёт Анастасия Вертинская, красавица, сияющая, в мини юбке. Всё бы ничего, но она заходит в тот ряд, где я сижу, проходит и садится рядом, душистая, но молчит. Я слегка одурел. Вокруг все места ещё свободные, зачем она села рядом со мной? Я провинциал, разволновался и тоже молчу. Так и просидели весь фильм, только я не помню, о чём он был.

№ 4
30 апреля 2025 г.
ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета

Каждый день в Доме Кино какое-нибудь мероприятие, и я не упускал случая побывать там. Мне нравилось общение с коллегами режиссёрами из Ленинграда, Москвы, Тбилиси, Хабаровска, Киева ... завязывались очень полезные отношения. Чаще всего ходил я не один. Правила Союза Кинематографистов позволяли каждому члену Союза проводить с собой в Дом Кино одного человека – гостя. Чаще всего со мной ходил Лёша, это было его право. На втором месте была Люся Шумелова. Если эти двое не могли, то тогда уж кто придётся из киногруппы.

Именно в Доме Кино я познакомился с кинорежиссёром из Киева Терещенко (имени не могу вспомнить). Симпатичный парень, говорит, что он режиссёр игрового кино, но пока постановку не дают, он занимается неигровыми фильмами. Из киевских творцов знал я многих, или хотя бы слышал, но фамилии Терещенко не встречал, ну да ладно. Мы подружились, встречались, делились студийными новостями. Однажды он приехал в Москву с дочкой лет десяти, чтобы показать ей столицу, а ему на день надо было куда-то отлучиться, и он попросил меня взять девочку до вечера. Я согласился. Мы с ней великолепно провели день, его дочка оказалась очень общительной. В общем, завязались почти дружеские отношения. И вот однажды довелось нам с Алексеем жить в гостинице, расположенной на задах Большого Театра. Не могу вспомнить её названия, так как жил там только один раз. Рядом с нами расположилась «Пирожковая закусочная». Мясные пирожки были великолепные, и к ним подавалась чашка с мясным бульоном. Очень вкусно, питательно и не дорого. Мы с Лёшкой туда повадились. И вдруг мы там встречаем Геннадия Кузьмича Бокарева. Мы с ним ровесники, оба когда-то работали на Уралмаше в конструкторском отделе. Там он написал повесть «Мы», которую напечатали в журнале «Юность», и которая «прогремела», а потом написал знаменитых «Сталеваров». Гена стал нарасхват: его и на телевидение приглашают, его и на Свердловскую киностудию зовут, его и Ефремов заманивает во «МХАТ», где хочет поставить его «Сталеваров». Вот Гена и приехал в Москву переделывать повесть в пьесу для театра, живёт в той же гостинице, что и мы, ходит в ту же «Пирожковую» и чувствует себя очень одиноко. Он предложил вечером сыграть в преферанс. Мы с Лёшей не увлекались картами, но играть всё-таки умели и согласились. Встал вопрос, где же взять четвёртого? Я вспомнил, что должен зайти Терещенко, вот его и позовём. Так и сделали. Купили бутылочку водки, чуть-чуть закусить и пошли ко мне в номер. Вскоре явился Терещенко. Сели за стол, расчертили «пульку», выпили и начали манипулировать картами. Оказалось, что хорошо играет только Бокарев, а мы все плохо. Но было весело, больше разговаривали, чем играли. Я решил подшутить над Терещенко, и говорю:

Вот ты коренной украинец, а скажи мне, знаешь ли ты где была Запорожская сечь?

Не задавай глупых вопросов, – ответил он мне, – у нас каждый первоклассник это знает.

Ну, и где же? – спросил я.

На острове Хортица, – ответил он.

А вот и нет! – торжественно возразил я. Он на меня как-то по недоброму уставился, а я рассказал случившуюся со мной историю. Несколько лет назад мне довелось приехать на Украину в город Никополь, около которого находился очень большой карьер по добыче марганцевых руд. Там работало несколько шагающих экскаваторов производства Уралмашзавода, которые мы и снимали. Жили в городской гостинице. Однажды, когда я шёл по малознакомому городку по какой-то второстепенной улице, неожиданно увидел захудалый обелиск, который стоял на границе тротуара и проезжей части дороги. Четырёхугольный внизу, сужающийся вверху, высотой в полтора человеческих роста, побелённый известью. Такие ставят у нас в самых захудалых деревнях. Я прямо на него чуть не наткнулся. Остановился. На обелиске табличка с надписью. Прочитал. Там написано, что на этом месте в таком-то году была Запорожская сечь и здесь Гетманом Украины был избран Богдан Хмельницкий. Когда я сказал это, Терещенко просто «взвился», закричал: «Ах! Этот предатель украинского народа!» и давай поносить Богдана. Я почему-то обиделся и стал тоже кричать, защищая Гетмана. И мы подрались. Лёша Балабанов и Гена Бокарев кинулись нас разнимать. До «фонарей» дело не дошло, они успели встать между мной и Терещенко, но так, что оказались ко мне спиной, а к нему лицом. Он решил, что сейчас его будут бить, схватил какие-то свои шмотки и, ругаясь, выбежал из номера. Никогда мы его больше не видели, как сквозь землю провалился, хотя в Доме Кино бывали много раз. Тогда мы ничего не поняли. Только сейчас, через сорок лет, когда началась война с бандеровцами на Украине, стало понятно, как глубоко отрава национализма проникла в души населения, и случилось это не сразу, а постепенно, начало уходит в глубину советского времени.

В Москве всё закончили и вернулись в Свердловск. Оставалась ещё одна командировка в Таджикистан для съёмки общих планов работающей Нурекской ГЭС. Зачем? Дело в том, что несколько лет назад при окончании строительства плотины там произошла жуткая катастрофа. Причиной был пресловутый «человеческий фактор». Начальству и в Москве, и в республике очень хотелось отличиться, получить ордена и награды, а для этого надо было досрочно перекрыть реку и запустить первый агрегат, то есть получить первую электроэнергию. По высоте плотина ещё не достроена, стоки для сброса лишней воды ещё не готовы, но отдан приказ перекрыть Вахш и запустить ГЭС. Рассчитали, что водохранилище будет заполняться долго, за это время строители доведут уровень плотины до нормы и сделают запасные водосбросы. Но пошло что-то не так. То ли сильные дожди заполнили водохранилище раньше, то ли строители плохо работали и не успели поднять высоту плотины до нормы, но воды оказалось слишком много, и она хлынула страшным потоком через верх бетонной недостроенной плотины, всё сметая на своём пути. Рабочие успели разбежаться, а строительные леса, механизмы, машины, краны – всё было смыто потоком. К счастью, сама конструкция плотины выдержала натиск гигантского напора стихии. Это спасло ГЭС от полного разрушения. Награды пришлось отменить, но никто из начальства не пострадал, всё списали на стихию, а вот среди строителей нашли «козлов отпущения» и кое-кого наказали, правда не очень. Сама авария была снята кинохроникой и материал разрешили использовать, а вот истинные причины нам предстояло объяснять самим, так как пресса их «замалчивала».

Время поджимало, картину надо сдать, а у нас «не у шубы рукав». Я решил заняться подготовкой многочисленных комбинированных кадров (тогда ведь не было компьютеров) и монтажом. А в Таджикистан отправил Лёшу с группой для синхронных съёмок. А вдруг удастся кого-нибудь уговорить на откровенный рассказ о катастрофе. Лёша съездил, хорошо сняли работающую ГЭС и три интервью с разными людьми, но никто не захотел откровенничать, все заикались и выкручивались, как могли. Эти интервью в фильме я не использовал.

Пока Алексей ездил, я «пропихнул» в редакции идею смонтировать из имеющегося у нас фильмотечного материала спецвыпуск киножурнала под названием «Фронт идёт через Урал». Это рассказ о событии Второй мировой войны на Урале. Мне хотелось, чтобы Алёшка немного подзаработал. Мы нашли полемическую статью, в которой автор доказывает, что когда в начале войны немцы захватили Украину, то в оккупацию попал и город Никополь, где расположено крупное и единственное в СССР месторождение марганца, без которого невозможно изготовить броневую сталь, а, значит, и танки. Над страной нависла катастрофа. И тут вспомнили, что ещё до революции в глухой тайге Северного Урала случайно нашли залежи марганца, но не разрабатывали, так как место было слишком труднодоступно, да и надобности не было, Никополь давал много и очень качественного продукта. Как у нас не раз бывало, срочно в глухомань бросили заключённых на прокладку лежневой дороги от месторождения до Ивделя, и руду повезли автомашинами. Но это было очень мало, и стали прокладывать железную дорогу ударными темпами. Строили только что переселённые сюда немцы Поволжья. Дорого далась им эта дорога, но построили, руда пошла на заводы, а танки с великолепной бронёй – на фронт. Гитлер узнал об этом и послал эскадрилью самолётов с лётчиками-смертниками, чтобы разбомбить марганцевый рудник. Горючего у самолётов хватало для полёта только в один конец. Самолёты улетели, но заблудились где-то в бесконечной уральской тайге, там и сгинули. Якобы, один из них был позже найден, но дело засекретили. Были ли самолёты – неизвестно, историки спорят. А мы с Алёшкой сделали десятиминутный спецвыпуск журнала «Советский Урал». За неделю смонтировали и озвучили, причём Лёша стал автором сценария и написал текст, за это больше платили. Фильм получился средненьким, репортажным, скороспелым и неделю он у нас отнял, надо навёрстывать. Зато хоть Алексей подзаработал.

Вкалывать во время монтажа в две смены – это была обычная практика на киностудии, иногда приходилось прихватывать и третью смену. Монтажницей на фильме «Уроки катастроф» назначена Алла Шатрова, очень грамотная и активная в работе. Она меня «жучила», когда я просил перемонтировать уже сделанный эпизод, ворчала, но переделывала столько раз, сколько было надо. Однако она не могла работать во вторую смену, и мне приходилось самому садиться за монтажный стол. А я и не возражал, поскольку владел техникой монтажа в совершенстве и любой сложности. Так мы и работали: монтажница за столом, я развалился в кресле, как «фон барон», а Лёша роется в больших горах железных коробок с киноплёнкой, просматривая её на перемоточном столе и выискивая нужные в данный момент эпизоды или отдельные кадры. Иногда эти поиски занимали много времени. Чем ближе к концу, тем интенсивнее монтаж, приходилось прихватывать и ночное время. Иногда нам помогала моя жена Тамара Ивановна, она ведь была автором сценария. Мы с ней часто и упорно спорили по каким-то творческим моментам при монтаже, и я иногда обращался к Алёше, желая узнать его мнение и получить поддержку, но он всегда вежливо уклонялся от прямого ответе, начиная какие-то длинные рассуждения и явно не желая обидеть никого из нас. Деликатный он был мальчик. А я, когда не мог ничего доказать, пользовался своей властью режиссёра, говорил, что будет вот так, и делал по-своему.




**Плакат к фильму «Уроки катастроф»**

Картину мы сдали в срок, она всем понравилась и на Всесоюзном кинофестивале получила второй приз (первый всегда получал фильм о Генсеке). Госкино выпустило даже рекламный плакат, что для неигровых фильмов было большой редкостью. Но интереснее стало другое. Я оказался в Ленинграде на каком-то очередном киномероприятии. Там меня разыскал незнакомый человек и представился как директор кинотеатра документальных фильмов. Он с энтузиазмом рассказал, что «Уроки катастроф» у него идут уже около года, чего раньше не бывало. Когда они сняли фильм с экрана, то посыпались письма зрителей, и пришлось возобновить показ. Этот энтузиаст неигрового кино сообщил любопытную информацию: только в их кинотеатре фильм заработал столько денег, что, наверное, окупилось его производство. В делах кинопроката я ничего не понимал, но мысль мне очень понравилась. В нашей огромной стране много больших городов, а в них есть и кинотеатры неигрового кино, значит, наверняка окупилось производство нашего фильма, да и прибыль, похоже, немалая получилась. В среде кинематографистов не было слышно, чтобы Госкино вело подсчёты рентабельности докфильмов, они всегда считались убыточными, а тут – на тебе! Недаром выпустили плакат. Но доходы никто не считал. В общем, кино у нас с Лёшей получилось успешным.

Межкартинный перерыв, во время которого Балабанов работал скорее всего с кем-то из других режиссёров, наконец, закончился, и я запускаюсь с новой полнометражной (1 час) картиной под названием «Уральские чекисты». Алёша снова приходит ко мне ассистентом.

Я не знал, что такая тема у нас на студии готовится к производству, и, когда мне её предложили, отказался, как-то мне было не по себе: ведь мой дед погиб в 1938 году во время




следствия в этой организации (тогда НКВД), обвинённый в том, что был французским шпионом, так как воевал во Франции в Первую мировую войну солдатом в составе русского экспедиционного корпуса, его брат, епископ Никифор, был расстрелян в 1937 году за то, что активно защищал православие, а мой дядя (брат отца), оклеветанный, отсидел в концлагере 10 лет и только случайно остался жив. Все реабилитированы, но им от этого не легче.

*ВЧК! ВЧК! ВЧК!*
*Рука большевика.*
*Чёрные буквы стекают с пера –*
*Ставят последний предел.*
*Твёрже, чем сталь,*
*Тяжелей, чем гора*
*Страшное слово –*
*Расстрел!*

*(Стихи А.Безыменского*
*из текста к фильму*
*«Уральские чекисты»)*

Не хотел заниматься этой темой, но редакция настаивала. Автором сценария была одна из наших редакторов – некая Елена Бортвина, весьма одиозная дама. Её свекровь – Бычкова Анна Николаевна – известная уральская революционерка, даже есть улица её имени, а муж – Евгений Матвеевич Бычков – друг Ельцина и директор аффинажного (по золоту и другим драгметаллам) завода, полковник МВД. Надо заметить, что Лена относилась ко мне как-то неуважительно, обидно намекая, что я пользуюсь чьей-то помощью, ибо не могу же я делать раз за разом фестивальные картины самостоятельно. Но когда она сама написала слабый сценарий «Уральские чекисты», то категорически потребовала от дирекции киностудии, чтобы режиссёром был только я, и никто другой. Она прекрасно знала, что я всё переделаю, исправлю, потому и настаивала. Меня уговорили, да и сам я не очень сопротивлялся, так как всё-таки интересно было поработать внутри этой неоднозначной организации. А Лена в дальнейшем абсолютно никакого участия в производстве фильма не принимала, спасибо, что не мешала мне. Лёшу я загрузил поиском в других архивах материалов по истории ЧК на Урале, и он отправился в Ленинград, Омск, Уфу и ещё куда-то, уж не помню, за фотографиями и за необходимой информацией. Ездил он один, я ничего не контролировал, полностью ему доверяя. А сам в Свердловском управлении КГБ, в специальной комнате с прикреплённым рабочим консультантом Наумовым Георгием Константиновичем принялся читать архивные уголовные дела, в надежде найти такое, которое станет основой фильма и будет интересно зрителям. Я надеялся, что не всё же было жестоко у чекистов, найдутся и яркие красивые деяния.

*Кто передаст потомкам*
*нашу повесть?*
*Ни записи, ни мысли, ни слова*
*К вам не дойдут: все знаки слижет*
*пламя*
*И выест кровь слепые письмена…*
(Стихи М.Волошина
из текста к фильму
«Уральские чекисты»)

Надо сказать, что начальство КГБ относилось ко мне хорошо, они старались помочь, чем могли, приносили множество самых разных папок из архива, позволяли изучать музейные экспонаты (оказывается, у них в управлении есть музей чекистов). Но всё было как-то не то, или не интересно, или чересчур жестоко. Главный консультант полковник В.Кондратьев иногда приглашал меня в кабинет, и мы часами беседовали на вольные темы, при этом я курил трубку. Зачем это ему надо было? Почти месяц работал там с утра и до вечера, уходил с одуревшей головой от этих бесконечных бумаг, измучился сам и замучил Наумова, всё бесполезно. Уже совсем было отчаялся, и в это время однажды утром увидел у себя на столе трёхтомное дело о поисках сокровищ, спрятанных царской семьёй во время их пребывания в Тобольске. На обложке напечатано «Секретно», а ниже стоял штамп и написано, что рассекречено. Для меня рассекретили или ещё раньше – не знаю. Стало интересно. Начал читать – ещё интереснее. Решил – это событие будет главным эпизодом фильма. Мне позволили делать выписки столько, сколько мне нужно. Наумов обрадовался. Просидев с ним вдвоём, друг против друга в кабинете около месяца, мы немножко одурели. Рабочий консультант был незаурядным человеком, он заведовал архивом и музеем, он был настоящей энциклопедией и знал всё. Недаром же он написал «Историю ЧК на Урале», двадцать с чем-то томов. Откроет рядом стоящий сейф, вытащит какой-нибудь том, поднимет так, чтобы я, сидящий напротив, мог видеть только обложку, и зачитает что-то из истории. Особенно его интересовали царские дела и сам расстрел семьи. Тогда ещё не нашли царских останков, никто ничего не слышал про это, а он доверительно говорил мне: «Что вы знаете о расстреле? Ничего. Всё было не так, как вы знаете». «А как?» – спрашивал я. «Этого я вам сказать не могу», – отвечал он. Тогда меня такая «замануха» не интересовала, и я разговор не продолжал. Не знаю, может быть, он блефовал. Но человек был очень интересный, хотелось бы написать о нём очерк, точнее, о нашей совместной с ним работе.

Итак, в уголовном деле я прочитал, что Романовы в Тобольске в 1918 году спрятали три больших клада драгоценностей. Чекисты узнали об этом только в начале тридцатых, когда им поручили «выколачивать» из населения золото для индустриализации страны. Один клад так и не нашли, где-то он в Тобольской земле до сих пор. Проследили путь второго клада и установили, что он «уплыл» за границу через польское посольство. А вот третий клад отыскать удалось. Именно о нём я и решил рассказать в фильме: вроде всё благородно, нашли золото, бриллианты – средства так необходимые государству для технического возрождения промышленности. Но оказалось, дело не совсем простое. Только я многое уразумел позже.

№ 4
30 апреля 2025 г.

ВРЕМЯ

Информационно-
просветительская
газета




**Мини книжка, сделанная студийными фотографами**

Как чекисты искали клады? Для начала они составили список всех лиц, которые приходили в дом губернатора в Тобольске, где содержалась царская семья, и теоретически могли вынести сокровища. Получилось 32 фамилии. Этот список и сейчас перед моими глазами. У каждого персонажа короткие данные и в конце пометка: «расстрелян», или «за границей», или «умер», или адрес места проживания. Вот по этим адресам и ринулись нквдешники и арестовали всех, кого нашли. Получилось меньше десятка. Начались допросы, которые велись так, что двое арестованных покончили жизнь самоубийством, поскольку они ничего не знали, а с них требовали ответов, те же кто что-то знал – всё выложили. Среди них была и монашка Рахиль (Марфа Андреевна Уженцева). Она рассказала, что драгоценности принёс в монастырь камердинер царя Чемодуров и передал на хранение настоятельнице Дружининой, а та, когда поняла, что её арестуют, передала клад монашке, чтобы она спрятала. Дружинину арестовали, и она умерла при допросах. А Рахиль маялась с тяжёлым кладом, перепрятывала его и, наконец, решила утопить в Иртыше. Перед этим рассказала всё знакомому бывшему рыбопромышленнику Корнилову Василию Михайловичу. Он отговорил её топить клад, всё забрал и спрятал в своём доме. Вскоре большевики начали его прижимать, дом отобрали, устроили в нём общежитие для милиционеров, а Корнилов с семьёй успел сбежать на Волгу к родственникам. Монашка привела чекистов в дом, указала большой подвал, где спрятан клад, но точного места не знала. Пришлось разыскать В.М.Корнилова, привезти его в Тобольск, и он показал, где копать. Клад вырыли, оприходовали, оценили.

В этой истории с кладами и меня, и Алексея смущала жестокость, с которой велось следствие. Даже сейчас я опускаю детали. Мы понимали, что в юбилейном фильме о многом придётся умолчать, и решили попробовать заменить эпизод другим – о перевозке царя из Тобольска в Екатеринбург комиссаром Яковлевым. Запутанная история, но я «взял след» и установил, что в нашем городе живёт дочка комиссара Людмила Константиновна Карпова, разыскал её, и мы подружились. Предстала пожилая, но стройная женщина, очень приветливая, умница, активный собиратель материалов о её расстрелянном отце, реабилитации которого она настойчиво добивалась. И добилась, но только частичной, кое-что комиссару не простили, поэтому работы впереди у неё было ещё много. Мы с ней часто встречались, пили чай, она передавала мне копии вновь найденных документов, а я удивлялся, что о таком интересном человеке журналисты, историки тогда почти ничего не знали.

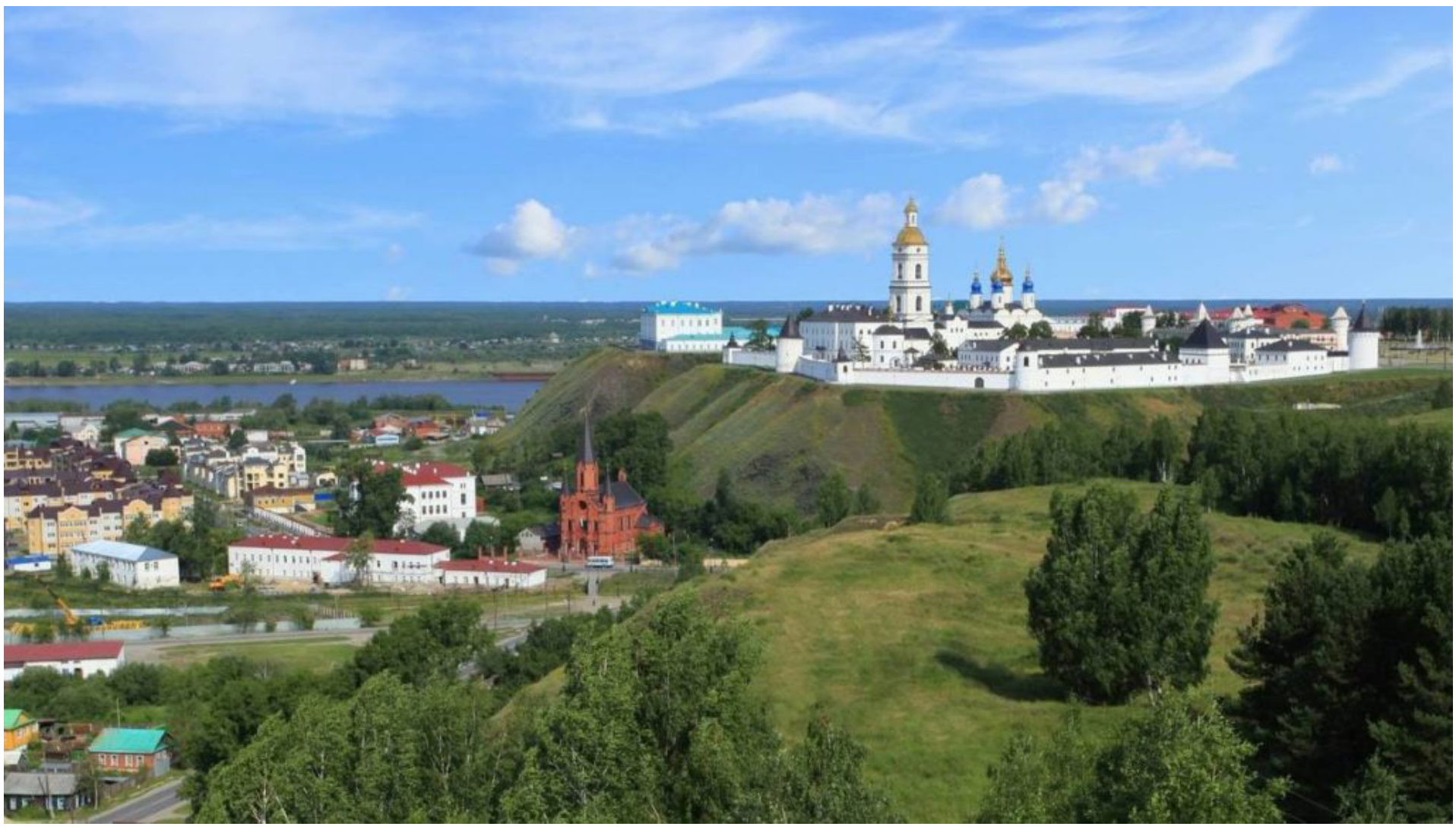
А мы с Лёшкой знали и по её наводке ринулись в Москву за информацией. Людмила Константиновна нам сообщила, что некто Лёшкин Николай Иванович, юрист и сотрудник органов, написал большой очерк о Яковлеве «Последний рейс Романовых». Написал и застрелился. Почему? Совершенно не знаю. Скорее всего, трагедия не связана с очерком. Однако только что напечатанную книжицу из обращения изъяли и тираж уничтожили. А вот в библиотеке им. Ленина она есть в спецхране. Очень уж нам было интересно раздобыть эту скрытую информацию: а вдруг там что-то есть необычное? Я добился разрешения на просмотр, и мы отправились.

Снова Москва. Библиотека им. Ленина. С «мандатом» в руках мы заявились к директору. Огромный кабинет, старинная мебель, длиннющий Т-образный стол, во главе которого сидит женщина средних лет, изящная и очень модно одетая. Она прочитала нашу «бумагу», вызвала сотрудницу и поручила принести книгу, а нас усадила в конце длинного стола, сказав, что здесь мы будем читать, что можно делать выписки, но выходить – ни-ни. Очень быстро принесли заветную книжицу, и мы погрузились в её изучение. Директриса долго сидела в кабинете, более часа, а потом вдруг встала и пошла к выходу, причём её высокие модные каблуки стали громко цокать о пол. Она вышла за дверь и цоканье постепенно, не скоро стихло вдали. Мы только этого и ждали. Из кожаной фотосумки я вытащил фотоаппарат «Зенит», Лёша открывал страницу и прижимал, чтобы она лежала ровно, а я «щёлкал». Через некоторое время мы ясно услышали приближающееся «цоканье» и спрятали фотоаппарат. В этот день больше «поработать» не получилось. Пришли на следующий день, и опять не успели. Закончили только на третий, поблагодарили директрису и ушли довольные. Книжку мы и прочитали, и пересняли. Содержание оказалось интересным, много новой информации, но ничего сенсационного не было, что нас огорчило.

Когда вернулись на студию, Лёша отнёс снятые плёнки в нашу фотолабораторию, что располагалась в подвале главного корпуса, и там их проявили и напечатали. Получилось очень хорошо. О нашем «воровском» подвиге фотографы узнали, вероятно, от Лёши. Через несколько дней Алексей приносит мне миниатюрную книжицу, красиво аккуратно сделанную из уменьшенных фото страниц и переплетённую. Сказал, что это подарок наших фотографов в знак восхищения нашим «подвигом».

После некоторых размышлений мы пришли к выводу, что история с кладами всё-таки будет интереснее, чем перевозка царя в Екатеринбург, но надо хорошенько поискать материал в Тобольске, где были спрятаны драгоценности. Решали вдвоём, ни с кем больше не советовались.

Поехали. Мы оба были очарованы старинным обликом города, гуляли по улицам, построенным ещё в прошлые века, по сохранившимся кое-где деревянным тротуарам, глазели на огромные амбарные замки на лабазах, осматривали единственный в Сибири белокаменный кремль, и... не могли найти никакой информации о царских кладах. Никто ничего не только не знал, но даже не слышал. Что делать?



**Город Тобольск**



**Завальное кладбище. Тень от входа с улицы Семёна Ремезова. В глубине среди деревьев виднеется церковь. Мы с Алексеем идём по этой аллее к церкви**

В это время случилась очень любопытная история. Был прелестный осенний день, тепло, солнечно, разноцветные листья плавно падают на землю. Утром с Алёшкой сделали какие-то дела, сходили в хорошую столовую, вкусно и плотно пообедали и решили прогуляться. Мы давно уже собирались побывать на самом старом Тобольском кладбище «Завальное» (то есть за валом, за городом когда-то располагалось). Там похоронено много знаменитостей: писатель Ершов (автор «Конька-Горбунка»), художник Знаменский, предки Менделеева, многие декабристы, в том числе Кюхельбекер... Идём по песчаной ухоженной дорожке от главной улицы имени Семёна Ремезова по направлению к храму, который виднеется в глубине среди разноцветных деревьев. Справа и слева, как в музее, выстроились красивые памятники. Читаем таблички.

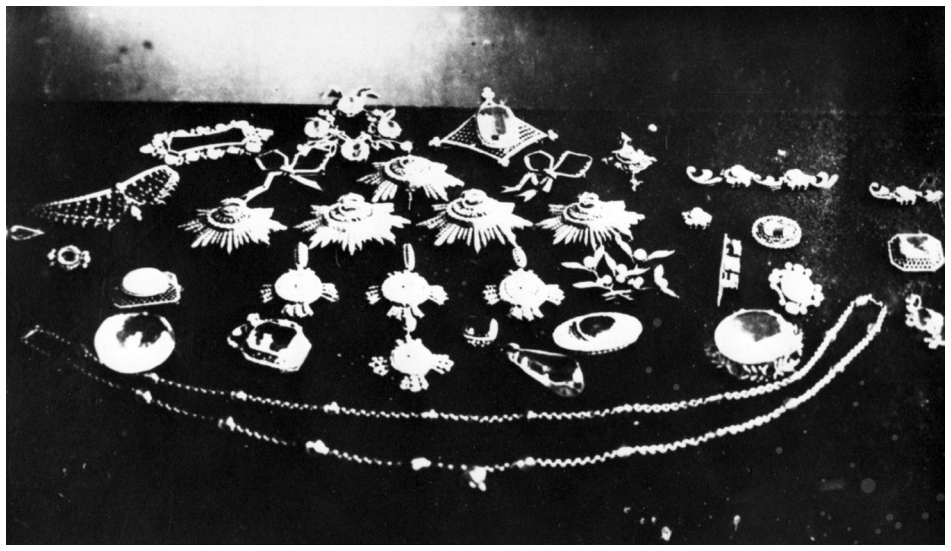
Уже приближаемся к храму и вдруг видим, что слева от нас по такой же дорожке и тоже к храму двигается группа священников, во главе солидный иерарх. Мы решили, что это «владыка», и сообразили, что такой случай упустить нельзя. Здесь надо пояснить, что я уже трижды посылал Алёшку в церковную канцелярию с просьбой, чтобы «владыка» принял нас для беседы, и трижды нам отказали. Почему? Непонятно. А тут такой случай подвернулся. Я ринулся к иерарху, он остановился, а я представился и попросил назначить нам встречу. «Зачем откладывать? – неожиданно сказал владыка. – Пойдёмте с нами, пообедаем, там и поговорим». Что делать? Не сговариваясь, мы с Лёшей присоединились к свите, состоящей из священников. Идем в трапезную на обед. За длинным столом нас усаживают напротив владыки. Начинается обряд. Все встают, произносят молитвы и крестятся. Мы тоже встаём, но молчим, так как не знаем молитвы, и не крестимся (о чём я теперь жалею). Начинается обед обильный и вкусный: закуски, первое, второе, чай со всякой стряпнёй. Я боялся, что мы не выдержим, и нам будет плохо. Но ничего. Одолели. Когда перешли к чаю, владыка заговорил. Сначала спросил о нашей работе, потом почему-то подробно расспрашивал про Абалакский монастырь, в каком он состоянии и можно ли его восстановить, по нашему мнению. Мы ответили, что можно, раз стены и колокольня целые, и поняли, что он там не бывал, значит, недавно прибыл в Тобольск. Наконец, он поинтересовался, какая нужна от него помощь. Я объяснил, что нас интересует любая информация о царских ценностях в период пребывания царской семьи в Тобольске, о настоятельнице Иваново-Вознесенского монастыря Дружининой, а главное – о монашке Марфе Андреевне Уженцевой, которая прятала клад, и о её родственниках. Наши продолжительные поиски не дают никаких результатов, поэтому мы обращаемся за помощью к владыке, чтобы он через священников настоятелей действующих церквей обратился к прихожанам с просьбой сообщить нам любые сведения о том времени и событиях. Иерарх согласился это сделать, а мы поскорее ушли, опасаясь последствий объедения.

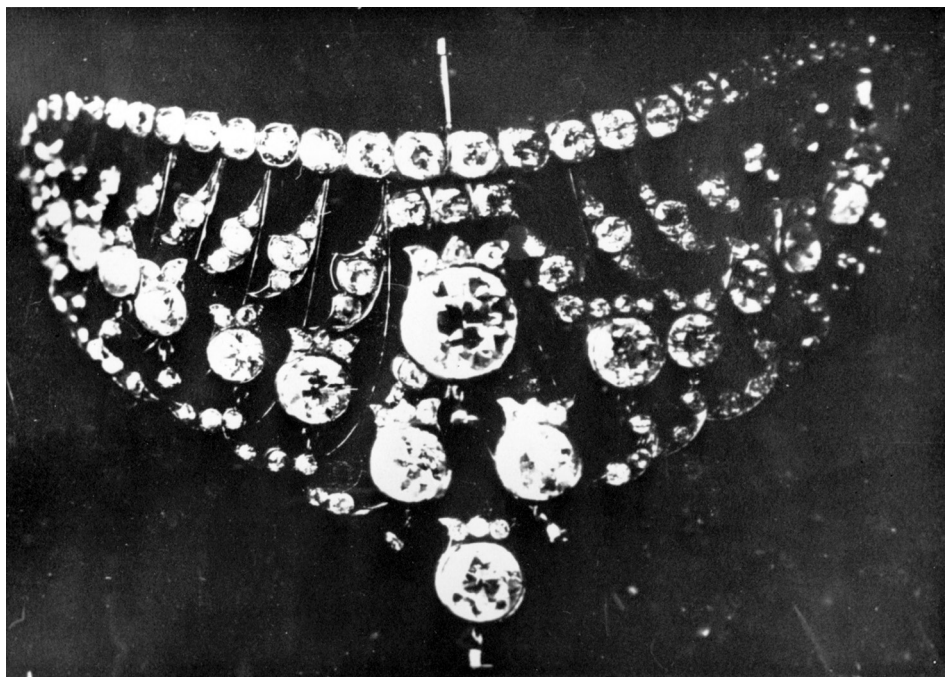


**Завальное кладбище. Церьковь «Семи отроков эфесских».
Здесь в трапезной мы с Лёшей обедали в обществе священников.**

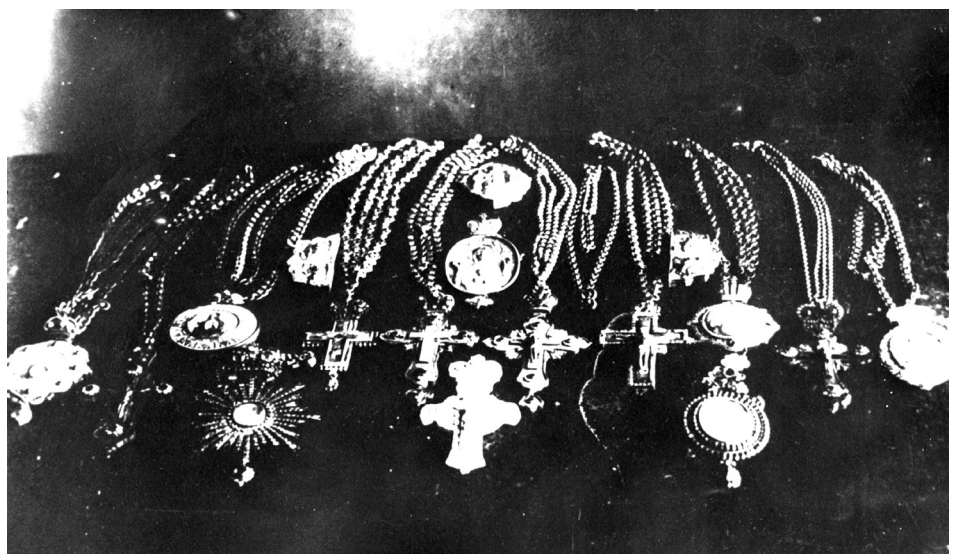
ВРЕМЯ
Информационно-
просветительская
газета







**Следователи с только что отрытым царским кладом. Внутри бочонков стеклянные банки с драгоценностями**



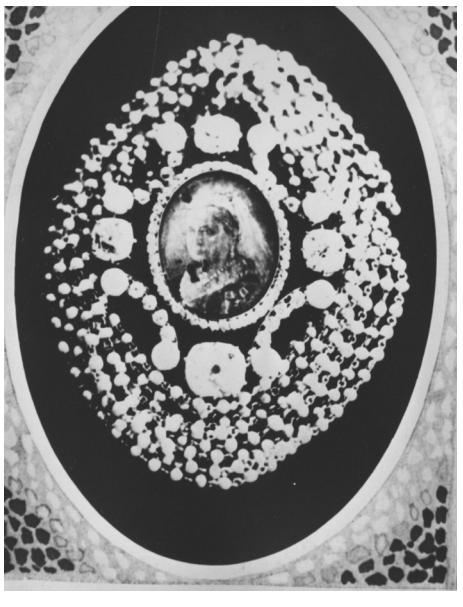
Владыка исполнил обещание, и через несколько дней нам принесли вначале фотографию брата Марфы Уженцевой в своём доме, но где сейчас сами родственники – никто не знал. Потом принесли уникальную фотографию похорон епископа Гермогена, который отчаянно защищал царскую семью в Тобольске и был арестован чекистами. Тоболяки собрали большую сумму денег, организовали делегацию и отправились в Екатеринбург. Чекисты деньги взяли, Гермогена отпустили. Под охраной матроса Хохрякова, якобы для безопасности делегации, отправили в Тобольск через Тюмень. В Тюмени посадили на пароход и повезли по Иртышу дальше. На этом пути матрос Хохряков делегатов пристрелил, а Гермогена утопил. Через некоторое время воды Иртыша вынесли тело епископа на берег, а местные жители его похоронили. Об этом узнали тоболяки, выкопали тело, привезли в Тобольск и устроили погребение с почестями. К сожалению, эта редкая фотография похорон нам для фильма не пригодилась. Она так до сих пор и лежит у меня в деле.

Потом принесли историю о том, как некий экскаваторщик копал котлован для постройки многоквартирного дома в верхней части города и наткнулся на захоронение человеческих останков. Прежде, чем сообщить куда следует, он осмотрел раскоп и нашёл простенький гребешок для волос, на котором было нацарапано: «Мама, я ни в чём не виноват» и адрес и фамилия мамы. Он взял гребешок и отнёс по адресу. Теперь на этом месте стоит жилой дом, а около него есть скамеечка, на которой часто можно увидеть старушку, которая подолгу там сидит. О чём она думает? История нас потрясла, мне захотелось снять всё это. Но к нашему текущему фильму она опять-таки отношения не имела.

Наконец, нам принесли домовую книгу, в которой записано, что давным-давно Марфа Андреевна Уженцева жила некоторое время по этому адресу, но теперешние жильцы её не помнят и ничего не знают. А потрёпанный раритет – домовая книга – нашёл своё пристанище в моём киноархиве. Вот и весь наш улов.

В Тобольске нам с Лёшей так и не удалось найти почти ничего: ни людей, знающих что-либо о царских кладах, ни мест с кладами связанных, кроме, конечно, губернаторского дома, из которого они выносились. Даже дом рыбопромышленника Василия Михайловича Корнилова не сохранился. В деле есть только фотография ворот, около которых с лопатами стоят чекисты. Есть фотография, где два следователя сидят за столом, на котором стоят два бочонка с найденными сокровищами. В бочонках большие стеклянные банки, а в них золото, бриллианты, драгоценные камни. Подсчитали, что клад эквивалентен 532 килограммам золота. Куда он делся – неизвестно, в Гохране его не оказалось и следы затерялись. Сохранились в деле только плохие снимки ценностей всего 154 наименования. Зато судьба этих двух следователей, что на фото – известна. Мой консультант Наумов нехотя признался, что они расстреляны позже за недозволенные методы ведения следствия.

Мы вернулись в Свердловск на киностудию, и тут у меня образуется некоторая путаница в порядке происходящих событий, уж очень был занят размышлениями о картине, а другие события проходили мимо, не оставаясь в памяти. Осень 1987 года. Я занимаюсь монтажом и не помню, чтобы Алёша был рядом. Может быть, и был какое-то время, а может быть, и нет. Он и раньше довольно часто отлучался с картины



по каким-то своим делам. Я никогда не препятствовал и не выспрашивал. Вот и теперь он исчез. Узнаю, что поступил на высшие режис-

сёрские курсы неигрового кино, которыми руководят Лев Николаевич Николаев и уехавший от нас в Москву Борис Давидович Галантер. Я немного удивился, мне казалось, что Лёша в кино разбирается не плохо и учёба ему ни к чему, но потом подумал, что ведь, наверное, ему нужна «бумажка» для дальнейшей самостоятельной работы. Лёву Николаева я знал хорошо. Мы оба занимались научно-популярным кино, поэтому множество раз встречались на разных симпозиумах, семинарах, фестивалях и так далее. Нет, не дружили, но были хорошими знакомыми, подолгу беседовали, гуляли, даже выпивали, но главное – уважали друг друга. Лёва был безусловно очень грамотный в кино человек, эрудированный, полноватый и солидный, но мыслящий одноэтажно. Борис Галантер, наоборот, невысокий, худощавый, хитроватый, но мыслил двухэтажно, что и приводило его к разным «вензелям» как в творчестве, так и в жизни. Далеко не все его фильмы, которые видел, мне нравились. Например, картину «Джульетта» я считаю неудачей. А фильм про лётчиков «Лучшие дни нашей жизни» вообще, по-моему, нечестный: нельзя в дырочку подглядывать, как на медкомиссии пилоты уговаривают врачей, унижаются, стараясь получить разрешение на полёты, от которых их отстранили по здоровью. Они не знают, что их снимают. Это аморально. Так работать нельзя. Зато у него есть и замечательные ленты, поднимающиеся до уровня философии. Такие как «Шаговик» или «Ярмарка». Не знаю, чему у них научился Лёша, но обучение пошло на пользу. Получив «ксиву», он сумел стать режиссёром, да не документального кино, а почему-то игрового. Как, что и почему – абсолютно ничего не знаю, так как не интересовался, а наши пути разошлись.

Когда мы с Лёшей вместе работали, я был в курсе, что он дружит с музыкантами, но мне их «андеграундная» самодельная музыка не нравилась, и мы о них никогда не говорили. Услышав, что он снимает любительские фильмы, спросил его, почему мне их не покажет? Он ответил, что они плохие, а когда сделает что-нибудь стоящее, то принесёт. Через некоторое время он действительно притащил свой новый фильм «Настя и Егор», и заметно волновался. Посмотрели. Стараясь его не обидеть, и в то же время не кривить душой, похвалил, сказав, что фильм сделан вполне профессионально и по монтажу, и по звуку, всё как надо. А вот по содержанию мне не нравится. Если это игровой фильм, то не интересно, можно было выдумать получше, а если это документальный фильм, то плохо снято: видно, что все кадры фальшивые, явно постановочные. Поэтому фильм не получился, хотя проделанную работу как учебную одобряю. Примерно такой была моя оценка. К моему удивлению, Лёша остался критикой доволен и сказал что-то вроде того, что и он так думает.

А время шло своим чередом. Поступив на «Высшие курсы сценаристов и режиссёров», Алексей Балабанов уволился со студии и стал учиться в Москве, хотя жил ещё в Свердловске. На нашу студию он не заглядывал, а я был по уши занят другой работой. Но произошло событие. В киноконцертном театре «Космос» проводилось какое-то крупное кинематографическое мероприятие, на которое и я был приглашён. Какое? – Вспомнить не могу. После торжественной части нас пригласили здесь же в ресторан, на ужин. Когда я входил в зал, то некоторые гости уже сидели за длинными столами, расположенными буквой «П». Октябрин Сергеевич Балабанов, наш главный редактор, и его жена Инга Александровна махали мне, чтобы я присоединился к ним. Свободное место было одно рядом с Ингой, и я устроился на нём. Пошли всякие тары-бары, потом произносились речи и тосты... совершенно не помню о чём. У нас были свои разговоры. Надо заметить, что Октябрин Сергеевич любил выпить. Он часто на студии по вечерам, играя в шахматы, попивал коньячок в компании с друзьями. А здесь на столах стояло что угодно, на выбор, и главный редактор вскоре из нашей беседы выбыл. Мы тоже с Ингой выпили водочки, но умеренно. И вдруг она перевела разговор на Алёшку, волновалась всё больше и, наконец, расплакалась, да ещё как! Оказывается, Алексей собрался разводиться со своей женой Ириной, а у них ведь замечательный мальчик Федя. Что делать? Лёша не только их совершенно не слушает, но даже разговаривать на эту тему не хочет. Инга вдруг сказала, что меня Алёшка очень уважает, и я единственный, кого он послушает. Они с Октябрином просят меня, чтобы я поговорил с Лёшей и убедил его не разводиться. Конечно, я тогда всё обещал, конечно, я не стал говорить об этом с Лёшкой, не такие у нас были отношения, на эту тему мы никогда не беседовали, конечно, он развёлся. А Инга Александровна позже никогда о просьбе не вспоминала, хотя мы с ней встречались неоднократно. Думаю, что это произошло «по пьянке».





**Октябрин Сергеевич Балабанов, Инга Александровна Балабанова. Родители Алёши Балабанова где-то в те же описываемые годы**

В следующий раз я вспомнил об Алёше Балабанове, когда посмотрел его фильм «Замок». Мне он очень понравился. Ну, думаю, Алёшка – молодец, далеко пойдёт. И он пошёл, да не в ту сторону, как мне кажется. Сразу скажу, что я ничего не знал ни о его дальнейшей работе, ни о его жизни. С Октябрином мы никогда эту тему не обсуждали. А Лёша начал «клепать» фильмы один страшнее другого. Я смотрел его картины, правда, не все. Смотрел и не удивлялся. Тогда в перестроечные годы «чернуха» о нашей стране была ой как популярна, особенно у зарубежных зрителей. Как раз в то время меня пригласили на международный кинофестиваль неигровых фильмов в Берлин. И что я там увидел? Из разных стран картин было много, в том числе весьма интересных и хорошо сделанных. Но претендентами на гран-при оказались два фильма: один из России о глухой умирающей деревне, где погибает молодая способная девушка в бесплодных попытках выбраться из этого болота. А второй белорусский фильм о спивающейся деревне, где мужики «бухают», а бабы ещё стараются спасти деревню. Самым популярным оказался эпизод, где пьяный мужик идёт по деревенской улице, выписывая какие-то невероятные вензеля и, наконец, падает в придорожную канаву. Зал аплодирует. Я был удивлён и возмущён, а двум авторам, которые тоже были здесь, сказал, что не гоже так позорить страну, даже если такие факты есть. Это «чернуха». В результате оба они не стали со мной общаться и даже здороваться. А дома на кинофестивале неигровых фильмов «Россия» я увидел ленту «Трансформатор». Осенью везли огромный трансформатор и уронили в придорожную канаву. Достать не смогли и оставили до следующего лета. Пристроили рядом деревянную будку, наняли двух сторожей-бомжей, и они в этой хибаре сидят, пьют водку и рассуждают о жизни, причём идёт сплошной мат 20 минут. Фильм не только взяли в конкурсную программу, не только показали зрителям, но ещё и наградили призом. На этом же фестивале фильм о деревне рассказывал, как все жители поголовно заболели сифилисом. Стоп! Я так огорчился и обиделся на кинофестиваль «Россия», что зарёкся отправлять туда свои фильмы и сам ни разу больше не приходил на просмотры. Конечно, это всем безразлично, никто и не заметил, но для меня это важно и принципиально. Я сам «чернухи» никогда не производил и на независимой студии «Уралфильм», которую я создал и руководил много лет в самые трудные для страны годы, сотрудничал со многими зарубежными телекомпаниями, «чернухи» никогда не было. Вот так и с Алёшкой. Повторюсь: я понимал, что «чернуха» востребована, популярна за рубежом, но не мог смириться с тем, что делает это именно он, такой светлый когда-то мальчик. А может быть, это мне только казалось, что он такой?

*Из крови, пролитой в боях,*
*Из праха, обращённых в прах,*
*Из мук казнённых поколений,*
*Из душ, крестившихся в крови,*
*Из ненавидящей любви,*
*Из преступлений, исступлений –*
*Возникнет праведная Русь…*

Стихи М.Волошина из текста к фильму «Уральские чекисты». (В окончательном варианте этот абзац кто-то «вынул» из фильма, но не помню кто).

ВРЕМЯ
Информационно-
просветительская
газета



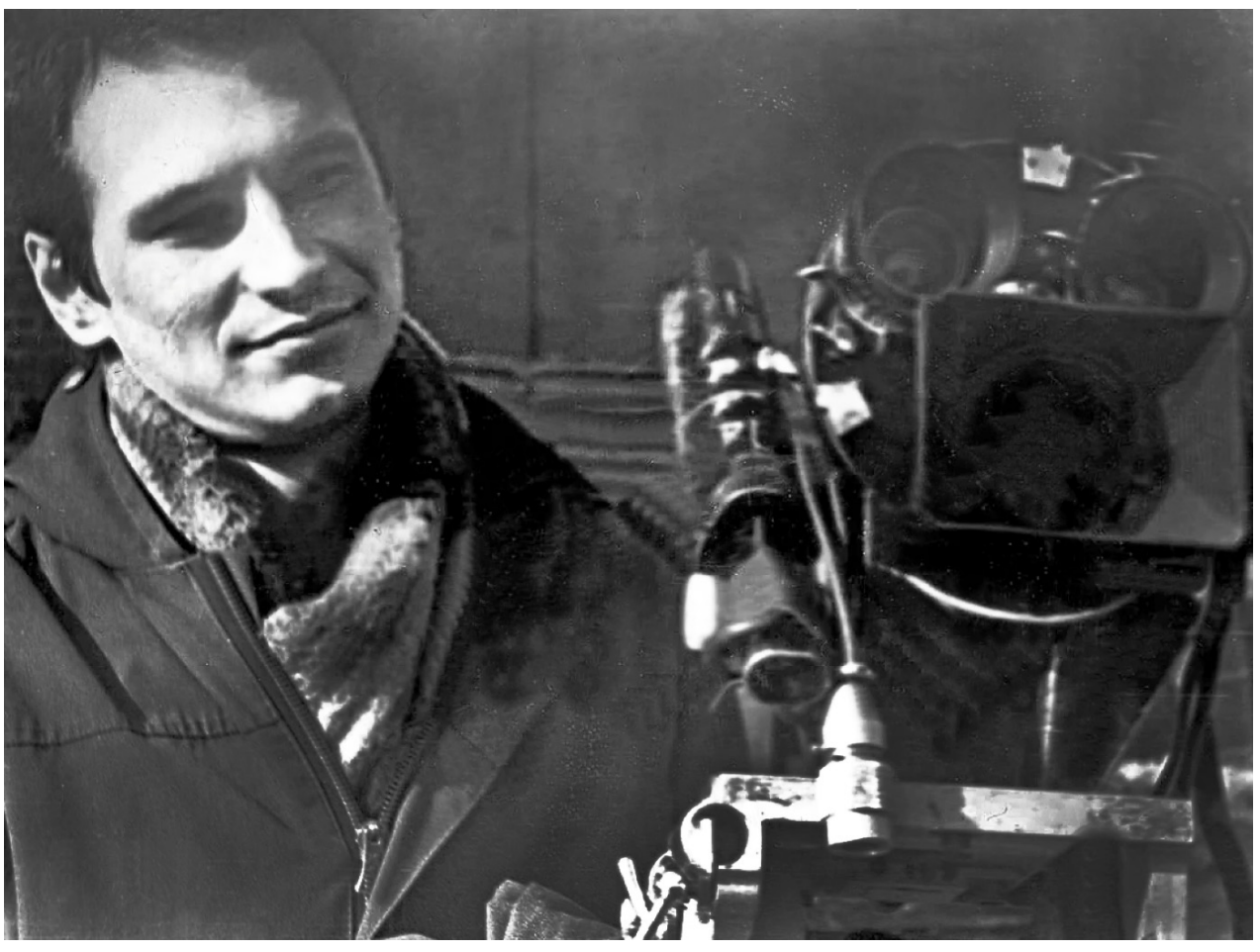
**Таким Алёша стал, когда приезжал к нам показывать «Жмурки»**

Главное – фильмы Балобанова хорошо сделаны: профессиональная работа, хорошая игра актёров, крепкая драматургия и при этом такие жестокие сцены, что многие известные актёры отказывались сниматься. А вот кинокритикам и журналистам именно это больше всего нравилось, они сочиняли целые теории, оправдывая необходимость жестокости высокими интеллектуальными размышлениями автора о жизни. Я же думаю, что всё гораздо проще: во-первых, Лёша хотел производить коммерческое кино, которое было бы востребовано и за границей. Во-вторых, он мечтал снимать фильмы, не похожие на других. Вот и всё. И он добился и того, и другого. И не надо искать в его творчестве то, чего там нет. Так я думаю, зная Алёшку очень хорошо. Его поклонники скажут, что ошибаюсь. Конечно, это может быть, но вряд ли. При этом, я не умаляю его заслуг перед российским кинематографом.

Последняя встреча у меня с Лёшей состоялась, кажется, в 2005 году. К этому времени он уже прочно обосновался в Санкт-Петербурге, а его родители Октябрин и Инга переселились в Анапу. Следовательно, он приезжал в Екатеринбург специально, чтобы показать свой новый фильм «Жмурки». Просмотр состоялся в малом зале (человек на 50) в Доме Кино. Я увидел Алексея, когда он вышел к экрану представить свой фильм, и обомлел. Если бы встретил его на улице, то ни за что бы не узнал. Из стройного красивого юноши он превратился в весьма неприятную фигуру. Располнел. Длинные, неопрятные волосы свисают до плеч. Лицо стало редькой хвостиком кверху, то есть нижняя часть шире, чем верхняя. Глаза узкие, отёкшие. Вообще вид какой-то нездоровый. Я не знал, что и подумать. Посмотрели кино. Впечатление у меня осталось угнетающее, все худшие ожидания оправдались. Никакого обсуждения не было, зрители разошлись, а мы с ним уселись в уголок вестибюля на диванчик поговорить. Не успел я ещё рта открыть, как он уже высказался: «Я знал, что вам фильм не понравится». Я подтвердил, что да, не понравился, потому что не люблю «чернуху». «Это не «чернуха», – сказал он, – это гротеск». Тогда я сказал, что только он, да большеголовые кинокритики видят тут гротеск, а обычные зрители, к которым отношусь и я, этого не знают, и всё принимают «за чистую монету», то есть за картину реальной жизни. Примерно так начался разговор, и дальше ничего не получалось, совершенно разные у нас взгляды. Тут Алёша вынул из кармана видеокассету VHS, на которой был записан его неоконченный фильм «Река», и подарил её мне, пояснив, что актриса погибла во время съёмок, и он не будет заканчивать работу, поэтому посмотреть нигде нельзя. Но он хочет, чтобы я увидел этот снятый и смонтированный материал. Я взял, позже посмотрел, но так и не понял, что он хотел сказать этим жестом? Показать, что он умеет всё-таки снимать и другое кино? Так я и так это знал, ведь уже видел его «Замок». Но раз он притащил с собой кассету, значит он заранее думал о чём-то. Непонятно. А тогда я решил поменять тему нашего разговора, вспомнить совместное прошлое и спросил, не хочет ли он снять небольшой документальный фильм в Тобольске, в городе, который ему когда-то очень нравился. Деньги для этого есть. На что Алёшка ответил, что с деньгами у него проблем нет, так как банки ему с удовольствием дают любые кредиты, поскольку все его картины окупаются с прибылью. А что касается Тобольска, так он видел немало городов поинтереснее. Стало понятно, что и здесь разговор как-то не клеится. Поговорили о разном, я не удержался и сказал, что надо бы привести свой облик в порядок, на что он ответил, что это его совершенно не интересует. В общем не сложилась беседа. Я ожидал чего-то домашнего, близкого, а встретил совершенно чужого человека, мне даже показалось, что он был как-то «не в себе». Только под конец он произнёс одну странную, но приятную мне фразу: «Жаль, что вы тогда в фильм «Уроки катастроф» не взяли эпизод немецкой хроники о создателе ракет Вернере фон Брауне». И он ушёл. Больше я его не видел.

*Миры летят и государства гибнут…*
*В ночном раздумье человека ходят*
*Народы по намеченным путям.*
*И всё же ты лишь капля в океане*
*Истории народа… Но она –*
*В тебе. Ты в ней. Ты за неё в ответе.*
*За всё в ответе – за победы, славу,*
*За муки и ошибки… И за тех,*
*Кто вёл тебя. За герб, и гимн, и знамя…*

Стихи М.Волошина из текста
к фильму «Уральские чекисты».



**Таким я помню Алёшу Балабанова, когда он покидал Свердловскую киностудию**

18+
ВРЕМЯ. Информационно-просветительская газета. № 7 (июль 2025). Выходит 1 раз в месяц.
Учредитель: СДК «Банк культурной информации». Главный редактор: Т.Е.Богина.
Адрес редакции и издателя: 620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51.
E-mail: ukbkin@gmail.com Тираж 5000 экз. Распространяется бесплатно.
Зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Уральскому федеральному округу ПИ № ТУ66-01274 от 30 января 2014 года.
Отпечатано в ООО Универсальная типография «Альфа Принт». 620049, Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж.
Печать офсетная. Подписано в печать 29.04.2025 по графику: 17-00, по факту: 17-00.